

Страницы истории

Истоки международно-правовой мысли в нашей стране уходят своими корнями в глубину веков. "Золотым" в этом аспекте можно считать XIX век, давший миру такие имена, как Ф.Ф. Мартенс, П.Е. Казанский, Н.М. Коркунов, Л.А. Камаровский, А.С. Яценко, А.Н. Стоянов, И.А. Ивановский, А.М. Говоруев, Н.А. Захаров, В.Э. Грабарь и многие другие. Их научное наследие заслуживает того, чтобы возвращаться к нему вновь и вновь даже в сегодняшнем существенно изменившемся с тех пор мире.

Время неумолимо, и вот уже становятся историей имена тех, кто, казалось бы, еще недавно были нашими современниками, — Е.А. Коровина, С.Б. Крылова, В.Н. Дурденевского, И.С. Перетерского, Р.Л. Боброва, А.Н. Трайнина, В.М. Корецкого, Д.Б. Левина и т.д.

Наш журнал намерен знакомить читателей с личностями таких ученых, пытаясь показать, по возможности, их влияние на современное состояние науки международного права.

В этой же рубрике Редколлегия планирует помещать мемуарные материалы тех юристов, которые продолжают свою творческую деятельность. Многие из них помимо научных исследований и преподавания международного права "делали" современное международное право "своими руками", участвуя в работе есезовозможных международных форумов. Было бы непростительной роскошью растерять накопленный ими опыт.

Начинается эта рубрика со статьи, посвященной выдающемуся русскому юристу Ф.Ф. Мартенсу.

Ф.Ф. МАРТЕНС: ЮРИСТ, ДИПЛОМАТ, ПУБЛИЦИСТ

В.В. Пустогаров

Федора Федоровича Мартенса (1845–1909 гг.), выдающегося российского юриста, и сейчас помнят в нашей стране и за рубежом. Он стал классиком в науке международного права, к трудам которого и поныне обращаются специалисты. Его имя связано с

прогрессивным развитием международного права в последней четверти XIX века – начале XX века, в частности с такими до сих пор не утратившими своей юридической силы актами, как Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов. Он вошел в историю международного арбитража.

Мировую известность Мартенсу принесла его книга "Современное международное право цивилизованных народов", два тома которой вышли в Петербурге в 1882–1883 годах. В России она быстро стала наиболее распространенным учебным курсом и оставалась таковым практически вплоть до первой мировой войны, то есть на протяжении 30 лет. Она выдержала пять изданий, и без преувеличения можно сказать, что целые поколения русских дипломатов познавали основы международного права по курсу Мартенса. По нему занимались В.И. Ленин и Николай II, А.Ф. Керенский и Г.В. Чичерин – народный комиссар иностранных дел Советской России. Он использовался в учебных заведениях Советского Союза и в более позднее время. Автор настоящей статьи, будучи в 1948–1953 годах студентом Института международных отношений МИД СССР, также штудировал его, поскольку он значился в списке рекомендованной литературы.

Книга Мартенса нашла широкое распространение за рубежом. Она была переведена на семь языков – испанский, китайский, немецкий, персидский, сербский, французский, японский. Энциклопедия Британика называла ее в 1946 году "наиболее известной" в свое время¹.

Другим трудом, создавшим Мартенсу высокий международный авторитет, стало "Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами", издававшееся Мартенсом по поручению российского МИД. Первый том "Собрания" вышел в 1874 году, последний, 15-й – в 1909 году, поскольку со смертью Мартенса издание прекратилось. Оценивая его значение, ученик Мартенса профессор М.А. Таубе писал, что "вместо обычной сухой коллেকции договорных текстов Ф.Ф. предложил дать нашему и заграничному читающему миру, практикам и теоретикам международного права, дипломатам и историкам, профессорам и публицистам – и прежде всего самому русскому министерству иностранных дел – живую историю русских договорных отношений с иностранными державами с середины XVII века"². Другой ученик Мартенса, профессор Б.Э. Нольде, увязывал заслуги своего учителя с "огромной исторической ценностью сборника, не имеющего себе равного в иностранной

¹ См. *Encyclopedia Britanica*. – Vol. 14. – Chicago, 1946. – P. 982.

² Таубе М.А. Ф.Ф. Мартенс (1845–1909). – СПб., 1909. – С. 8–9.

научной литературе ни по богатству материала, ни по широте построения”³.

”Собрание” сразу же стало полезным подспорьем для русской дипломатии. Оно заняло прочное место среди справочной литературы как в центральном аппарате МИД, так и во многих зарубежных представительствах России.

В 1897 году Мартенс в качестве международного арбитра разбирал спор об аресте голландскими властями шкипера английского китобойного судна. В ходе рассмотрения он сформулировал принцип подсудности капитана за правонарушения в открытом море согласно законам флага судна, который получил широкое признание. В 1899 году Мартенса пригласили суперарбитром по англо-венесуэльскому спору, касавшемуся территорий в бассейне реки Ориноко. Он выступал арбитром и в других межгосударственных спорах, и один английский публицист величал его тогда ”главным судьей христианского мира”.

Мартенс был одним из деятельнейших членов Института международного права в Генте (Бельгия), игравшего в то время большую роль в развитии международного права.

Слава юриста затмила другие заслуги Мартенса. Между тем он оставил целый ряд исторических исследований, выполненных с использованием богатейших русских архивов (”Император Николай I и королева Виктория”, ”Александр I и Наполеон”, ”Россия и Пруссия при Екатерине II” и др.), написал целый ряд публицистических работ, некоторые из которых нашумели в свое время (например, ”Россия и Англия в Средней Азии”, 1880 г., на французском языке).

Особенно не повезло дипломатической деятельности Мартенса. О ней и вовсе не вспоминают сегодня. А ведь он проявил себя недюжинным дипломатом и был причастен к важнейшим внешнеполитическим акциям России, к крупнейшим международным событиям.

Объем журнальной статьи не позволяет дать сколько-нибудь цельную картину дипломатической активности Мартенса, поэтому придется ограничиться лишь одним эпизодом: участием Мартенса в подготовке и проведении первой Гаагской конференции мира (1899 г.). Обращение к фондам Архива внешней политики России (АВПР), в частности к хранящимся там личным дневникам Мартенса⁴, а также к иным малоизвестным материалам позволяет не только познакомить читателя с заслугами этого российского дипломата,

³ Нольде Б.Э. Ф.Ф. Мартенс // Русская мысль. — 1909. — № 12. — С. 30.

⁴ АВПР. Опись 787. Дело 9.

но и по-новому осветить некоторые стороны самой Гаагской конференции, ставшей заметной вехой в развитии международных отношений и международного права.

Однако здесь уместно сделать краткое отступление в виде биографической справки о Мартенсе. Она поможет лучше представить всю фигуру Мартенса.

Будущая знаменитость родился 15 августа 1845 г. в уездном городке Пернове Лифляндской губернии (ныне г. Пярну в Эстонии) в бедной эстонской семье. Глава семьи был кистером (нем. кюстер — церковный служака, дьячок, пономарь) лютеранской церкви, отставленным незадолго до этого от должности. В 9 лет мальчик остался круглым сиротой и как способный ученик был направлен в Петербург, где его определили в сиротский дом при лютеранском соборе Св. Петра. За отличные успехи он был принят в немецкое училище, где в 1863 году закончил гимназический курс. Тогда же он поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Происхождение и социальное положение студента Мартенса позволяли рассчитывать только на собственные силы. Он ведь не принадлежал к привилегированному дворянскому сословию, не имел богатого наследства. По тогдашним понятиям он был типичным бедным "разночинцем", уделом которого мог быть только упорный труд. И Мартенс трудился. Его дипломная работа "Об отношениях между Россией и Оттоманской империей в царствование императрицы Екатерины II" привлекла внимание декана факультета профессора Н.И. Ивановского, читавшего курс международного права. Когда в 1867 году выпускник Мартенс пришел к нему с просьбой оставить его в университете для подготовки к профессорскому званию, тот спросил: "По какой кафедре?" Молодой человек ответил: "Я бы желал остаться на кафедре уголовного права". Однако декан, помнивший дипломную работу выпускника, возразил: "Нет, оставайтесь по кафедре международного права. Тогда у нас будет собственный Мартенс"⁵. Профессор Ивановский намекал на известного немецкого юриста Г.Ф. Мартенса (1756–1821 гг.). "Русский Мартенс" послушался своего декана и, как оказалось, сделал очень удачный выбор.

В 1869 году Мартенс с успехом защитил магистерскую (соответствует нашей кандидатской) диссертацию "О праве частной собственности во время войны". Направленный в соответствии с тогдашней практикой в двухгодичную зарубежную командировку, Мартенс слушает лекции в Вене, Гейдельберге, Лейпциге. В 1871

⁵ **Биографический словарь С.-Петербургского университета.** — СПб., 1898. — С. 7.

году он начинает читать курс международного права в Петербургском университете. Вскоре он защищает докторскую диссертацию ("О консулах и консульской юрисдикции на Востоке"), получает звание профессора. В университете Мартенс оставался до 1903 года, то есть свыше 30 лет.

21 декабря 1868 г. "кандидат права Фромгольд, Федоров сын Мартенс" подал прошение на имя Александра II о зачислении его на службу в Министерство иностранных дел⁶. 6 января 1869 г. он был зачислен туда с чином коллежского секретаря. По табели о рангах, установленной Петром I и действовавшей в России до 1917 года, чин, присвоенный Мартенсу, относился к десятому классу и в армии соответствовал поручику. Со временем Мартенс дослужился до тайного советника, дававшего права дворянства. В 1879 году его назначили чиновником по особым поручениям при главе внешнеполитического ведомства А.М. Горчакове, а в 1881 году — непременным членом Совета МИД, совещательного органа при министерстве. Эту должность он занимал до самой смерти. Следует сразу же оговориться, что не она определяла положение Мартенса. Его дипломатическая роль обуславливалась его личным авторитетом. Мартенс был ценным советником всех российских министров иностранных дел, которых он пережил, будучи членом Совета МИД, — Н.К. Гирса (1882–1895 гг.), А.Б. Лобанова-Ростовского (1895–1896 гг.), М.Н. Муравьева (1897–1900 гг.), В.Н. Ламздорфа (1900–1906 гг.), А.П. Извольского (1906–1910 гг.). Мартенс неоднократно принимался Николаем II, работал совместно с С.Ю. Витте — главой русского правительства, пользовался расположением такого влиятельного человека, как обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев (вспомните у А. Блока:

"В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла").

К мнению Ф.Ф. Мартенса прислушивались монархи и президенты, министры и послы, банкиры и публицисты.

Однако вернемся к Гаагской конференции.

12 августа 1889 г.⁷ министр иностранных дел М.Н. Муравьев

⁶ См. АВПР. Фонд ДЛС и ХД. Опись 749/1. Дело 50. Л. 85.

⁷ 24 августа по новому стилю. В статье даты даны по так называемому старому, употреблявшемуся в России стилю, отстававшему от европейского на 12 дней.

передал иностранным представителям в Петербурге ноту, в которой предлагалось созвать международную конференцию с целью обеспечения "действительного и прочного мира, и прежде всего положить конец прогрессирующему развитию вооружений". Нота была составлена без предварительных консультаций или зондажа и явилась полной неожиданностью для других государств. Причины, породившие российскую инициативу, мотивы и надежды русской дипломатии, а также общая реакция на нее достаточно освещены в советской литературе⁸. Мы сосредоточимся на личном участии Мартенса.

Нота Муравьева свалилась на Мартенса "как снег на голову". Он узнал о ней из газет, будучи на отдыхе на своей даче в Лифляндии. Его первая реакция была весьма негативной. В дневнике он употреблял такие выражения, как "сумасбродный проект", а Муравьева именовал "фокусником"⁹.

Отношение Мартенса к созыву международной конференции по разоружению требует пояснения. Он считал всеобщий мир идеалом, к которому должно стремиться человечество, и видел в нем цель международного права. Более того, он всегда отрицательно относился к гонке вооружений и считал, что в современную ему эпоху не численность армии определяет мощь государства. Побывав в Швейцарии в 1884 году, он писал: "...швейцарцы давно поняли, что составляет в наш век действительную, основную и незыблемую силу каждого народа. Это не миллионы штыков, не необъятность государственной территории и не многомиллионный состав населения. Это сила, пред которой все преклоняются и которая все завоевывает, — это сила высшей культуры, ума и таланта"¹⁰. Однако, как ученый с аналитическим умом и как дипломат с трезвым взглядом, Мартенс был убежден в утопичности проекта побудить тогдашние державы к сокращению своих вооруженных сил. На протяжении веков предпринимались многочисленные попытки изгнать войну из международных отношений и установить вечный мир. Все они не достигли цели. Разве можно ожидать иной судьбы для ноты Муравьева? 17 августа 1898 г. Мартенс заносит в свой дневник: "Средства для искоренения войны или разоружения народов я не знаю и не нашел"¹¹. Когда международные конгрессы общественных сил требуют разоружения, то это понятно. Но ведь конференцию предлагает министр иностранных дел Муравьев, а это

⁸ См. *История дипломатии*. — Т. II. — М., 1963. — С. 457—459.

⁹ См. *АВПР*. Описание 787. Дело 9. Ед. хр. 4. Л. 53.

¹⁰ *Вестник Европы*. — 1884. — Окт. — С. 862.

¹¹ См. *АВПР*. Описание 787. Дело 9. Ед. хр. 4. л. 56.

уже совсем иное дело. Здесь необходимы предварительное согласование, продуманная программа дипломатических действий. Иначе результатом инициативы может оказаться не всеобщее умиротворение, а обострение отношений между великими державами.

Мартенс мысленно анализирует возможную позицию великих держав. Англия, несомненно, вовсе откажется участвовать в конференции. США, видимо, также. Франция стремится вернуть себе Эльзас и Лотарингию, отторгнутые у нее Германией в итоге войны 1870 года, и крайне настороженно отнесется к любым планам разоружения. Германский император, вероятно, выразит публично удовлетворение инициативой Николая II, своего венценосного друга. Но разве он пойдет на сокращение своей великолепной армии? К тому же Германия наверняка потребует гарантий нерушимости своих границ, то есть гарантий для присоединенных Эльзаса и Лотарингии. Франция откажется это сделать. А сможет ли согласиться Россия? Более того, если допустить невероятное и предположить, что державы подписали трактат, ограничивающий численность их армий соразмерно, например, количеству народонаселения, то кто будет следить за его выполнением?

Мартенс внимательно изучает мировую прессу, и в дневнике сохранились некоторые газетные вырезки. Вот "Новое время" от 23 августа 1898 г. с подборкой откликов французских газет. Офицюз французского МИД "Тан" пишет о трудностях, о неподготовленности мира, в том числе и самой России, к благородному делу разоружения. Не лучше ли ограничиться "торжественной санкцией общего желания"? "Либр пароль", еще вчера восторженно приветствовавшая русский проект, круто повернула в противоположную сторону и именует его "славянской хитростью" и даже "германским продуктом". "Матэн" все сильнее выражает недовольство. Она указывает, что Франция уже 15 лет отвергает проекты разоружения, поскольку они мешают ее возрождению после поражения 1870 года. И вот неожиданно такая инициатива России – союзницы Франции. "Фигаро" иронически пишет, что французы могут лишь восхищаться мудростью русских проектов и великодушием их идеалов. Но не стоило ли России предварительно проконсультироваться с Францией? Вот вырезка из немецкой газеты от начала сентября с речью кайзера. Вильгельм говорил: "Мир не может быть обеспечен лучше, чем боеспособной, готовой к удару германской армией..." Такие сообщения прессы могли лишь усилить пессимизм Мартенса. "Чем больше я размышляю, – пишет он в дневнике, – тем больше прихожу к выводу, что русскую инициативу ждет фиаско". Резюме его размышлений: "Великое дело о разоружении все более и

и более принимает форму великого провала русской дипломатии"¹².

В этой связи следует остановиться на расхожем в нашей литературе тезисе о том, что народы, самая широкая общественность всех стран горячо поддерживали русский проект, а закулисное сопротивление оказывали лишь узкие правящие круги. В действительности же общественное мнение реагировало гораздо сложнее. Любопытны данные, опубликованные профессором международного права Московского университета Л.А. Камаровским (1846–1912 гг.). В связи с Гаагской конференцией известные юристы разных стран так излагали свое мнение. Ламмаш (Австро-Венгрия) видит полезное начало, но подчеркивает невозможность ни разоружения, ни контроля за ним. Штёрк (Германия) в принципе отвергает русский проект. По его мнению, нежелательны как полное, так и частичное разоружение, ибо в результате государство утратит свою дееспособность, окажется бессильным. Лапрадель (Франция) резко критикует саму идею об ограничении орудий войны, поскольку оно препятствует техническому прогрессу. Деспанье (Франция) считает, что до разоружения должна быть восстановлена справедливость: Франции должны быть возвращены Эльзас и Лотарингия. Веснич (Сербия) указывает, что великие державы могут сокращать свои вооружения, поскольку они решили задачи национального объединения. Но малые народы еще добиваются этого. Могут ли они разоружаться? По мнению Веснича, сначала должна восторжествовать "справедливость", а затем уже "мир".

Давая такой обзор и анализируя настроения в обществе, Камаровский с грустью констатирует, что идея мира, "эта великая идея, еще мало и смутно проникла в общественное сознание". Он предупреждает: "Защитников войны не мало"¹³. Замечания Камаровского ценны своей компетентностью. Ведь он был страстным борцом за мир и приобрел в России большую известность своей пацифистской деятельностью.

Мрачные прогнозы Мартенса усилились, когда он в середине сентября 1898 года вернулся после летнего отдыха в Петербург и смог узнать положение дел в Министерстве иностранных дел. Как он и предполагал, кроме самой ноты от 12 августа в МИД ничего не было – ни анализа обстановки, ни общей программы, ни предложений по отдельным вопросам, ни даже предложения о месте проведения конференции. Когда он пришел к товарищу (заместителю)

¹² См. АВПР. Опись 787. Дело 9. Ед. хр. 4.Л. 68.

¹³ Камаровский Л.А. Гаагская мирная конференция 1899 г. – М., 1905. – С. 6–11.

министра Ламздорфу, то тот оптимистично информировал его, что Франция, Германия, США, Китай и Япония "с восторгом" восприняли инициативу России. Только Англия еще не ответила. Поэтому у русской дипломатии полный успех. Правда, вот программы конференции пока совсем нет ("приискорбный факт").

В МИД Мартенс убедился, что именно от него ждут программы будущей конференции. Мартенс видел себя в "глупейшем положении": с одной стороны, нельзя отказаться, а с другой — все его труды, по всей видимости, обречены на провал. Поэтому первоначально Мартенс повел себя "лукаво": на прямой вопрос Ламздорфа о программе для конференции он посоветовал создать для ее составления специальную комиссию из представителей МИД, военного и морского министерств, министерства финансов. Ламздорф согласился, но из "лукавой" затеи, естественно, ничего не получилось, и Мартенсу вскоре пришлось засучивать рукава: Ламздорф прямо просил его подготовить программу для будущей конференции. Задание было дано 2 октября, а уже 11 октября 1898 г. Мартенс представил записку по конференции.

Когда читаешь объемистую, цельную, богатую мыслями записку Мартенса¹⁴, то поражаешься краткости срока, за который она была составлена. К тому же в дневнике Мартенс жаловался, что ни одна другая записка не давалась ему столь трудно, как эта. Разгадка кроется, очевидно, не только в высокой работоспособности, большом опыте и аналитических способностях Мартенса, но и в том, что он вопреки своим сетованиям на "легкомыслие" Муравьева и Ламздорфа и вопреки своим мрачным прогнозам внутренне уже давно напряженно думал над тем, как избежать фиаско первого опыта с конференцией о разоружении ("Вопрос сложный и святой!") и тем самым спасти от провала и инициативу русской дипломатии. Дневниковые страницы сохранили следы раздумий и поисков.

К сожалению, ни министр, ни его заместитель, ни другие руководящие работники МИД не могли дать Мартенсу каких-либо руководящих начал. Ламздорф, например, в беседе с Мартенсом отклонил его предложение о проведении конференции в Петербурге. Аргументы Ламздорфа состояли в следующем: если конференция не даст практических результатов, то наша публика и газеты будут трубить о ее провале; а в другой столице вполне можно удовлетвориться заявлением участников об отказе от применения силы. ("И для этого международная конференция?! Курам на смех!"¹⁵ — комментирует Мартенс.) Муравьев пошел еще дальше,

¹⁴ См. АВПР. Опись 470. Дело 63. Л. 93–102.

¹⁵ АВПР. Опись 787. Дело 9. Ед. хр. 4. Л. 79.

предложив свой план: сначала краткая конференция послов и посланников в Петербурге, а затем конференция или комиссия специалистов ("Чаепитие послов"¹⁶, – иронизирует Мартенс).

В своей октябрьской записке Мартенс исходит из того, что планируемая конференция будет всемирной, полнокровной, с обширной повесткой дня и весомыми ожидаемыми результатами. Проект русской дипломатии должен увенчаться осязаемым и общепризнанным успехом!

Замысел Мартенса, как он воплотился в октябрьской записке, состоял в том, чтобы, не отказываясь от главной идеи русской ноты от 12 августа, трансформировать предлагавшуюся встречу из конференции по разоружению в конференцию мира. Он предлагал рассматривать русский проект как программу с двоякой целью: "охранение всеобщего мира" и "возможное сокращение чрезмерных вооружений". Решение первой задачи, писал он, "представляется вообще возможным", если способствовать укреплению уже существующей основы мира в Европе путем "точного определения тех средств, которые в состоянии поддерживать господствующий международный мир". Несравненно труднее решать вторую задачу, на что общественность возлагает особые надежды. Мартенс предостерегал: "Ни в коем случае не следует задаваться мыслью о возможности заставить великие европейские державы немедленно и добровольно ограничить свои сухопутные и морские вооруженные силы". Поэтому он предлагал держать курс на некоторые меры по замораживанию уровня вооружений. При этом он указывал на опасность того, что с конференцией уже связываются надежды на решение внешнеполитических вопросов – пересмотр границ, пересмотр договоров, урегулирование текущих дел. Он предлагал заранее отсеять все эти посторонние вопросы, не трактовать повестку дня широко и в общей форме, а поставить конференцию в вопросе разоружения в "самые тесные рамки".

Соображения Мартенса были нацелены на то, чтобы при сохранении вопроса о разоружении в повестке дня наполнить ее дополнительно такими пунктами, которые обещали достижение результатов на основе самого широкого согласия государств-участников.

В вопросе разоружения Мартенс предлагал:

– принять заявление о том, что участники "обязуются на будущее время не прибегать к употреблению восруженной силы для защиты своих прав и законных интересов, не испробовав предварительно добрых услуг, посредничества или третейского разбирательства";

¹⁶ Там же. – Л. 10С.

— обсудить меры по замораживанию вооружений, а именно:

- 1) не увеличивать сухопутные и морские силы в течение 3—5 лет и
- 2) согласовать (хотя бы в принципе) поддержание известного процентного соотношения между народонаселением страны и численностью ее вооруженных сил, между государственным и военным бюджетами;

— в одностороннем порядке объявить о том, что Россия в будущем году уменьшит свой рекрутский набор на треть или наполовину.

По сравнению с первоначальной широковещательной заявкой на разоружение план Мартенса был гораздо скромнее, заземленнее и потому содержал некоторые шансы на частичный успех.

Другим направлением работы конференции должны были стать средства мирного урегулирования международных споров. Мартенс указывал на довольно широкую распространенность посредничества, третейского разбирательства и делал вывод, что по этим вопросам не следует ожидать возражений государств-участников. Ведь речь пойдет о юридическом закреплении существующей практики. Он только предупреждал против требования об обязательности третейского суда "всегда и во всех случаях". В этой связи следует напомнить, что к тому времени проблемы международного арбитража, третейского суда активно обсуждались в юридической литературе и проходили проверку в межгосударственных отношениях. Существовавшие наработки подкрепляли оптимизм Мартенса.

Наконец, вырисовывалось и третье направление работы конференции — международное закрепление законов и обычаев войны. Еще на Брюссельской конференции 1874 года Россия представила проект соответствующей декларации, автором которой в решающей степени был Мартенс. Тогда декларация не нашла должной поддержки, сейчас имелись шансы на ее принятие.

Такова была программа, предложенная Мартенсом. Она не только намечала выход из тупика, в который грозила зайти инициатива русской дипломатии, но и обещала принести существенные результаты по упрочению мира.

Записка Мартенса была с облегчением и благодарностью принята руководством МИД и составила основу новой циркулярной ноты России в декабре 1898 года.

В напряженный период подготовки программы конференции Муравьев и Ламздорф не скупились на похвалы и давали Мартенсу заманчивые обещания. Ему говорилось, что он будет представлять Россию на конференции, а по ее завершении получит пост посланника в Гааге. Предполагалось, что успешный исход конференции принесет ордена и другие награды. Муравьев разрешил Мартенсу **принять лестное предложение** взять на себя роль суперарбитра по

англо-венесуэльскому спору (в состав трибунала вошли: от Англии — лорд Рассел и лорд Коллинс, от США — Фуллер и Брюэр из Верховного суда).

Однако надеждам Мартенса не суждено было сбыться. Его весьма огорчил отказ царя пойти на сокращение рекрутского набора. Николай II после предварительных возражений наложил 26 апреля 1899 г. на докладе окончательную резолюцию: "Затрудняюсь согласиться на уменьшение состава армии"¹⁷. Задуманный Мартенсом эффективный шаг не состоялся. В феврале было объявлено о назначении главой делегации России на Гаагскую конференцию русского посла в Лондоне Г.Г. Стааля. Мартенс был "совершенно ошеломлен" и целые страницы в дневнике посвятил этому "чувствительному оскорблению". Он даже не вытерпел и написал соответствующее письмо Ламздорфу. К личной обиде примешивалась досада на возможные помехи со стороны Стааля: ему около 80 лет, он никогда не участвовал в международных конференциях. Когда Мартенс встретился с ним в апреле в Петербурге, то его предчувствия подтвердились.

Что же касается места посланника в Гааге, то Муравьев в разговоре сообщил, что у государя имеется свой кандидат ("Опять он меня надул", — негодовал Мартенс).

Чувство обиды подогревалось тем, что зарубежная печать более высоко оценивала его участие в конференции, чем чиновники родного МИД. В дневнике Мартенса сохранились вырезки из газет того времени. Вот немецкая газета от 1 марта 1899 г. Сообщая о составе русской делегации, газета выделяет включение в нее профессора Мартенса. "Выбором последнего император Николай доказывает свой особый интерес в проведении великого дела конференции", — говорится в информации. Лондонская "Таймс" помещает 5 апреля заметку, в которой отмечается важность участия в конференции экспертов высокого класса, таких как профессор Мартенс. Парижские газеты писали, что посылкой такого опытного юриста, как Мартенс, Россия демонстрирует серьезность своих намерений, желание довести конференцию до "доброго конца".

Несмотря на затаенную обиду, Мартенс продолжал энергично готовить конференцию. По просьбе министра 1 марта он представляет новую записку с дальнейшими рекомендациями по проведению конференции¹⁸. Он изложил свои соображения относительно конвенции об обычаях и законах войны, относительно распространения Женевской конвенции 1864 года о раненых и больных на мор-

¹⁷ АВПР. Опись 470. Дело 63. Л. 450.

¹⁸ Там же. — Л.386—398.

скую войну, по некоторым другим вопросам. Он подробно доказывал утопичность проектов учреждения "постоянного верховного суда, призванного разбирать все споры и столкновения между государствами". Он считал реальным лишь тот арбитраж, который осуществляется "по собственному почину и добровольному согласию". Важное значение имело предложение Мартенса о поэтапном решении вопросов: наиболее приемлемые вынести на предстоящую конференцию, а другие, более спорные перенести на следующую конференцию, установив срок ее созыва. Записка Мартенса легла в основу инструкции МИД для русской делегации от 23 апреля¹⁹.

Инструкция содержала, в частности, новое предложение Мартенса, вызвавшее большой интерес на конференции: создание конфликтующими сторонами следственных комиссий "из числа лучших в их стране представителей дипломатии, войска и науки".

Итак, дипломат Мартенс помог разработать для первой Гаагской конференции мира программу, позволявшую рассчитывать на существенные успехи в деле упрочения мира. Важно подчеркнуть, что в предложениях Мартенса не содержалось положений, призванных обеспечить какие-то особые интересы России. Вся программа была рассчитана на достижение единогласия в принятии решений (как мы теперь говорим, консенсуса). Юрист Мартенс знал, что сила международно-правовой нормы состоит прежде всего в ее общем признании.

При подготовке Гаагской конференции Мартенс проявил широту взглядов и глубокий анализ, гибкость в подходах и большую трезвость в оценках. Все это не исключает, естественно, отдельных недоработок и огрехов. Из недостатков организации конференции, ответственность за которые разделяет и Мартенс, следует отметить ее оторванность от общественности, от прессы. Впервые на международную конференцию выносились вопросы об ограничении вооружений, о мирном урегулировании межгосударственных конфликтов, вопросы, которые волновали широкую общественность, а сама конференция организовывалась и работала по-старому, в духе тогдашней дипломатической традиции, то есть за закрытыми дверями. На действия Мартенса накладывала отпечаток его профессия юриста. Он нередко придавал специфическим проблемам международного права большее значение, чем они имели в глазах государственных деятелей и дипломатов. Наконец, у Мартенса был далеко не блестящий характер. С.Ю. Витте увидел в нем человека с "болезненным самолюбием"²⁰.

¹⁹ Там же. — Л. 434—444.

²⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. — Т. 2. — М., 1960. — С. 402.

Конференция мира открылась в Гааге 6 мая 1899 г. В ней участвовали Англия, Германия, Китай, Россия, США, Франция, Япония и другие страны, всего 26 государств, то есть весь тогдашний мир, если не считать центральноамериканских и южноамериканских республик. Председателем конференции был избран Стааль.

Открытие и работа конференции потребовали от Мартенса большого напряжения сил. По его плану конференция создала три комиссии: по ограничению вооружений, по законам и обычаям войны, по мирному урегулированию международных споров. Он был председателем второй комиссии. Кстати, по тогдашней дипломатической традиции вся работа велась на французском языке и переводчики не полагались.

Опасения Мартенса относительно Стааля подтвердились ("Он абсолютно ничего не понимал в поставленных вопросах, ничем не руководил", — писал Мартенс впоследствии в дневнике). Пришлось писать для него вступительную речь. Заготовку он использовал, но забыл важный организационный вопрос. Стааль просил Мартенса, чтобы тот во время прений на общем собрании сидел рядом с ним и помогал, давая нужные советы. Мартенс сидел рядом и отвечал. Предложил разделить конференцию на три комиссии. Принято. Отклонил вопрос нидерландского делегата о неприкосновенности коммерческих судов во время войны как не относящийся к повестке дня. Принято. Подсказал председателю, что нужно формально объявить о закрытии заседания. Тот закрыл. Мартенсу было "жаль доброго, но бездарного старика", однако положение складывалось нелегкое. Ведь Стааль и другой делегат, Базили, не смогли работать в комиссиях, где решались все дела. Поэтому Мартенсу кроме ведения работы своей второй комиссией пришлось взять на себя и заботу о третьей комиссии. Неудивительно, что потом Мартенса называли в печати "душой Гаагской конференции".

Официально Мартенс значился в русской делегации экспертом, специалистом по международному праву. И ему действительно приходилось использовать свои юридические знания и опыт. Но ему никогда не удалось бы добиться успеха, если бы он не проявил и дипломатических способностей.

Мартенс часто выступал во второй и третьей комиссиях, на общих собраниях конференции, выступал с подготовленными речами и экспромтом. Он страстно и умело, с большой эрудицией, а иногда и с ораторским блеском отстаивал программу России. Однако он прекрасно понимал, что согласие достигается не ораторским искусством. "Как будто красноречием можно заставить представителей держав нарушить свои обязательства и не исполнять ин-струкций! Это глупо и наивно!"

В своей комиссии Мартенсу нужно было добиться принятия более 60 статей Брюссельской декларации 1874 года. Обсуждение шло довольно гладко, но имелись и подводные камни, требовавшие соответствующих мер. Прежде всего Мартенс постарался заручиться поддержкой главы английской делегации Д. Паунсфота. Для этого он, в частности, предложил отказаться от лидерства в третьей комиссии, а поддержать там английскую инициативу. Жертва лично для Мартенса была чувствительной: ведь имелся русский, то есть его, проект из 40 статей. Но Мартенс пошел на это и добился хорошего контакта. Когда во второй комиссии английский генерал, член делегации, заявил, что его правительство согласно давать соответствующие инструкции войскам, но не будет подписывать обязательство по данному вопросу, то сэр Паунсфот поспешил разъяснить, что генерал высказывает свое личное мнение. С другой стороны, Мартенс, зная, что англичане и французы категорически против обсуждения вопроса о неприкосновенности частной собственности во время войны, не поддержал в качестве председателя комиссии соответствующее американское предложение.

Особую сложность представляла позиция Бельгии. Дело в том, что, как и 25 лет назад, ряд малых стран выступили против статей Брюссельской декларации, трактующих права оккупационной армии. Они требовали неограниченного права на самооборону, и их выразителем на этот раз была Бельгия. Мартенс возражал бельгийскому делегату и возражал блестяще, вызывая аплодисменты присутствовавших. Но он понимал, что этого мало для принятия решения. Поэтому Мартенс пошел на следующий шаг: по согласованию с бельгийцем он взял за основу присланный тому из Брюсселя документ, отредактировал его по-своему и когда началось обсуждение статей, то предложил предварительно принять преамбулу, в которой говорилось, что в случаях, не предусмотренных принятыми положениями, "население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания". Предложение Мартенса было восторженно принято. Впоследствии текст получил известность как "оговорка Мартенса" и оказался настолько удачно сформулированным, что ему была суждена долгая жизнь. Он почти дословно был воспроизведен в п. 2 ст. 1 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

В результате дипломатических усилий Мартенс 20 июня мог записать в дневнике, что вся Брюссельская декларация была принята в комиссии единогласно. "Я сам не ожидал такого блестяще-

го успеха. Брюссельская декларация – мое любимое детище – принята”²¹. 5 июля проект комиссии обсуждался на общем собрании конференции. Там Мартенсу предстояло устранить еще два препятствия. Первое состояло в настойчивом предложении американского делегата Уайта гарантировать неприкосновенность частной собственности в морской войне. Мартенс в прочувствованных словах поддержал справедливость американского проекта, но предложил обсудить его на следующей конференции. Собрание согласилось. Другая опасность заключалась в проекте распространения правил Декларации о бомбардировках открытых городов на морскую войну. Мартенс знал: начини обсуждение проекта – и столкнешься с полнейшим разладом. Поэтому и этот проект он предложил отложить до следующей конференции. Собрание согласилось. В итоге Мартенс мог торжествовать: его детище, которое столь обидели на Брюссельской конференции 1874 года, теперь было принято общим собранием Гаагской конференции, причем принято единогласно. То было блестящее достижение юриста и дипломата Мартенса.

Немало напряженных моментов Мартенсу пришлось пережить в третьей комиссии, в частности при выработке положения о постоянном арбитраже. Все участники были согласны, что вопросы, связанные с жизненно важными интересами и достоинством государства, исключались из такого разбирательства. Но Мартенс, в соответствии с инструкцией из Петербурга, совместно с английским представителем настаивал на обязательности арбитража для менее важных споров. Однако в данном случае не помогли ни красноречие, ни солидная юридическая аргументация. Германский делегат был категорически против. По его наущению представители Румынии и Сербии ополчились даже против проекта создания следственных комиссий. Тут, однако, Мартенс, горячо выступивший в защиту своего предложения, вышел победителем.

Мартенса задевало, что не всегда, как ему этого хотелось, отмечалось его авторство. Взять, например, проект конвенции об арбитраже: из 56 ее статей 40 предложены Россией (то есть Мартенсом), Франция представила только одну. Но ловкий французский коллега Л. Буржуа все это затуманил, взял в свои руки работу комиссии и даже обращается к Мартенсу с призывом “не монополизировать” рассмотрение проекта! Вот это союзник! Мартенс внутренне негодовал. В то же время он тесно сотрудничал с французской делегацией и в одном из заключительных выступлений отдал должное заслугам Буржуа.

²¹ АВПР. Опись 787. Дело 9. Ед. хр. 5. Л. 52.

В третьей комиссии Мартенс добивался немалых успехов, не раз вызывал аплодисменты своими яркими и аргументированными выступлениями.

Гагская конференция мира закончила свою работу 17 июля 1899 г. В целом ее итоги оказались весьма внушительными. Правда, никаких успехов в разоружении не оказалось. Но начало обсуждению было положено. Участники конференции подписали три конвенции: "О мирном решении международных столкновений", "О законах и обычаях сухопутной войны", "О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года о раненых и больных". Кроме того, были подписаны три декларации об ограничении средств военных действий (запрет на метание взрывчатых веществ с воздушных шаров, на снаряды с ядовитыми газами, на расплющивающиеся пули). В частности, в соответствии с конвенцией учреждался институт международных следственных комиссий, а также Постоянная палата международного третейского суда в Гааге.

В советской литературе в недавнее время преобладала резко негативная оценка Гагской конференции 1899 года. Ей ставилось в вину прежде всего отсутствие соглашения о разоружении ("болтовня о разоружении"). Более того, подвергалось сомнению и значение принятых на конференции конвенций, поскольку они нарушались государствами в последующем²².

Такая отрицательная оценка представляется необоснованной и требует пересмотра. С позиций наших дней упрек в отсутствии прогресса в деле разоружения воспринимается по меньшей мере легковесным. Ведь для достижения первых соглашений по разоружению (сокращение советского и американского ракетно-ядерного потенциала, обычных вооружений в Европе) потребовалась огромная дистанция в 90 лет. На этом фоне мирная инициатива России 1898 года предстает началом долгого и трудного, но столь актуального для судеб человечества пути и требует адекватной оценки. Гагская конференция, созданная по предложению России, открыла целую разоруженческую эпоху в дипломатии и международных отношениях.

Гагские конвенции открыли также целые направления в развитии международных отношений и международного права. На них ссылался Нюрнбергский трибунал, они стали фундаментом для последующих международных актов. Полезную роль играли следственные комиссии. Третейский суд в Гааге существует и поныне. Что же касается нарушения Гагских конвенций, то позволительно спросить: разве значение норм уголовного права уменьшается от-

²² См. *История дипломатии*. — Т. II. — С. 461–462.

того, что они постоянно нарушаются отдельными гражданами?

Предложенная Мартенсом программа и его личное участие в конференции — наряду с другими зарубежными коллегами-юристами — содействовали становлению такой прогрессивной черты современной дипломатии, как взаимодействие дипломатов и специалистов международного права. Правда, вовлечение юристов во внешнеполитическую деятельность долгое время наталкивалось на препятствия. Когда в 1905 году формировалась русская делегация на переговоры с Японией, то в министерских и придворных кругах раздавались голоса, что на мирную конференцию нужно посылать государственных деятелей и дипломатов, а не "профессоров" (имелся в виду Мартенс). Однако потребности международной жизни пробивали себе дорогу, и сегодня юристы-международники являются неперенными участниками дипломатической работы.

Деятельность Мартенса на Гаагской конференции снискала ему большой международный авторитет. Французские, английские и некоторые другие газеты печатали лестные отзывы о нем. Сложнее дело обстояло дома. С одной стороны, по возвращении в Петербург он нашел там обширную заинтересованную аудиторию. Появилась его статья в журнале "Вестник Европы". Когда он начал в университете цикл лекций о конференции, то пришлось искать большой зал, чтобы вместить всех желающих. Первая лекция была (без его ведома) напечатана в известной газете "Новое время". С другой стороны, министерское начальство забыло о нем. Находясь еще за границей, он отмечал в дневнике: его французский коллега Буржуа за участие в конференции награжден высоким российским орденом Александра Невского; другой французский участник получил Станиславскую звезду; бельгийский делегат Декан назначен министром иностранных дел; германский представитель граф Мюнстер стал князем; царь выразил Стаалю свое благоволение; получили награды Муравьев и Ламздорф. Наконец от знакомых дипломатов он узнал, что и ему приказом по МИД объявлена высочайшая благодарность. Приказа ему даже не показали. Преемник Стаалю в Лондоне Кассини, встретившись с ним, рассказал, что в Петербурге довольны итогом Гаагской конференции, что там ничего не имеют против Мартенса, но немного удивлены его огромной репутацией за рубежом. Мартенс глубоко переживал такое невнимание к нему и в дневнике процитировал английскую газету, где высокая оценка его трудов на конференции сопровождалась древней мудростью: "Нет пророка в своем Отечестве". По пути на родину, в Дармштадте, Мартенс был принят Николаем II (видимо, по ходатайству Победоносцева, которого он заранее письмом просил об этом). Беседа продолжалась больше часа, царь был настроен весьма ми-

лостиво, говорил о том, что он доволен и т.д. Других последствий беседа не имела²³.

После конференции 1899 года Мартенсу приходилось еще не раз сочетать роль юриста и дипломата. Вместе с С.Ю. Витте он ездил в Портсмут (США) на переговоры о мирном договоре с Японией, по его просьбе писал заключение для французского министра финансов относительно займов для царского правительства, самым активным образом участвовал в подготовке и проведении второй Гаагской конференции мира 1907 года и т.д. Однако эти события выходят за рамки настоящей статьи.

Ф.Ф. Мартенс скончался 7 июня 1909 г. на железнодорожной станции Валга по пути из Лифляндии в Петербург. Незадолго до кончины он писал в дневнике: "Я спокойно могу закрыть свои глаза. Ни в России, ни во всем остальном мире меня не забудут после моей смерти, и моя деятельность на пользу развития международного права не будет забыта".

²³ См. АВПР. Описание 787. Дело 9. Ед. хр. 5. Л. 61—80.